

Захаренко И.В. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. – Вып. 1. М., 1997;

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003

Полотковский С.А. Влияние современного голливудского кино на духовную ситуацию в России: межкультурные связи в контексте международных отношений. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2006;

Рюмкова О.Г. Политический миф: теоретические основания и современная политическая практика. Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2004

Слыскин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М., 2000

Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997

<http://www.infoliolib.info/philol/freidenberg/main.html#2>

Цуладзе А.М. Политическая мифология. М., 2003

http://media.utmn.ru/library_view_book.php?chapter_num=-1&bid=475

© Косарев М. И., 2007

Элеонора Лассан

Вильнюс, Литва

ИЗОБРАЖЕНИЕ СМИ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ В СВЕТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ РОССИИ И ЛИТВЫ

Abstract

This paper deals with the problem of representation of the power by the mass media viz. the means of depicting the images of the presidents of Russia (V.V. Putin) and Lithuania (Valdas Adamkus) by the mass media of «their own» countries. In the course of research the author distinguishes the three key mechanisms: 1. television presenting the image of the presidents, 2. speech acts of the statesmen represented by the press, 3. and also «the way the presidents' speeches affect the future».

Анализируя современное состояние России, Т. Кондратьева в статье «Современное государство по Домострою?» предлагает в качестве методологической установки анализа исходить из тезиса о том, что «что всякая современность (и, в частности, такой феномен, как l'Etat Moderne), какой бы новой она ни казалась, представляет собой переплетение компромиссов, которые вырабатываются в результате тяжбы между опытом прошлого, свойственным индивидууму или коллективу, и его / их планами на будущее» [2006: 50]. Россия и Литва – страны со сравнительно недавним общим и в историческом отдалении разным, хотя и постоянно соприкасающимся прошлым.

В какой мере сказанное Т. Кондратьевой о настоящем как переплетении опыта прошлого и планов на будущее может объяснить политическую реальность, и в частности, отношение к власти, и соответственно, к способам ее изображения, в двух названных странах, сегодня ведущих раздельное существование?

Думается, что президентская республика в России и парламентская республика в Литве в известной степени соответствуют общественным традициям двух стран, складывающимся на их территориях в течение веков. Определенное отношение к власти – ее «сакрализация» – считается одной из констант русского национального самосознания, унаследовавшего вместе с православием из Византии идею божественного происхождения царской власти («всякая власть от Бога»). «Русская духовность, – по словам С.С. Аверинцева, – делит мир не на три, а на два – удел света и удел мрака; и ни в чём это не ощущается так резко, как в вопросе о власти». Поэтому власть – «это нечто находящееся либо выше человеческого мира, либо ниже его, но, во всяком случае, в него как бы и не входящее». В силу свойственной русской картине мира дуальности представления бытия («верх» / «низ» – со слабо проработанной «серединой») власть в соответствии с ожиданиями помещается обычно «выше человеческого мира», а в случае нарушения ожиданий ниспровергается в преисподнюю (судьба царской семьи, на мой взгляд, – материализованное воплощение метафоры низвержения в преисподнюю).

Литва как независимое государство обладает меньшим периодом зрелой государственности – в сущности, мы, очевидно, являемся свидетелями одного из этапов ее становления (я не говорю о периоде Великого Княжества Литовского, характеризовавшегося симбиозом этносов и конфессий, сложными отношениями между княжескими династиями). Бессспорно, однако, что Литва не знала централизованной монархии, а католицизм подчинял королей и удельных князей воле Ватикана, лишая их одновременно божественного ореола.

Для современной России характерно многообразное отношение к оптимальным формам правления, однако нельзя пройти мимо того обстоятельства, что

осуществившая себя в прошлом идея единоличного правления жива в умах самых просвещенных носителей русской культуры. Все так же сильна в русском народе тяга к патернализму [Ермоленко: 1999], естественность которого иногда обосновывают необъятностью русских просторов и хранящихся в их недрах природных богатств, являющихся общегосударственным наследством и в силу этого требующих справедливого распределения [Ремизов: 2005].

Очевидно, соответствие идеи сильного «сакрального» правления задавало и задает определенное эстетическое решение резиденции власти, и здесь уместным является обращение к понятию «хронотопа» власти, популярного сегодня и для политологических исследований (напр., Э. Горин, А. Ю. Сунгурев). В России «топос» власти – это величественный Кремль, находящийся на возвышенности и за высокой зубчатой стеной, символизирующей отделенность власти от ее подданных, пребывание ее в верхней части общественной вертикали. Следует сказать, что ледовые шоу 2006 года у стен Кремля на Красной площади, видимо, были призваны размыть границы между «сакральным» и «профанным» пространством, с одной стороны, придавая особую величественность происходящему действу, а с другой – явно демократизируя пространство власти. Не могу не вспомнить вслед за Т. Кондратьевой, что статус резиденции власти Кремлю вернули большевики, перенеся столицу России из Петербурга в Москву. Т. Кондратьева увидела в этом водворении власти в Кремль реактуализацию традиций допетровской Руси – с моей точки зрения, в этом возвращении можно увидеть и бессознательное следование идеи «высоты» власти, ее отчужденности от «профанного» пространства: ни Зимний дворец, ни Смольный этой идеи по расположению не отвечают.

Литовские президенты местом своего пребывания избрали здание, где в период вхождения Литвы в состав Российской империи находилась резиденция российского генерал-губернатора. Стоял в свое время на этой площади и памятник усмирителю польско-литовского восстания 1863 года М.Н. Муравьеву. Нужно сказать, что руководители советской Литвы «обходили» это здание стороной,

предпочитая новые и более высокие здания – здесь располагался то Дом офицеров, то Дворец работников искусств. Вполне возможно, что и в «литовском» случае произошла своеобразная реактуализация прошлого – власть независимого Литовского государства утверждалась в местах, некогда символизировавших могущество Российской империи.

Сегодня Литва – страна маленькая, и причины, по которым патернализм признается некоторыми политологами необходимым для России, в Литве не срабатывают. Отсюда идея сакральной, всеведущей и отвечающей за все власти для нее менее органична. Видимо, и современное эстетико-архитектурное решение места пребывания власти отражает отсутствие представлений о ее «неземной» сущности. Президентура, где глава государства проводит свой рабочий день, располагается на небольшой по современным масштабам и скромной площади, носящей имя литовского просветителя Симона Даукантаса, – вдоль резиденции власти каждый день проходят сотни студентов, чья *Alma mater* находится в десяти шагах от рабочего места Президента. Здание настолько не отчуждено от «профанного» пространства, что несколько лет назад случился неприятный инцидент – один из иностранцев, будучи навеселе, решил проблему отсутствия общественных туалетов в центре столицы, помочившись на стены президентуры.

Гипотеза, возникающая естественным образом при размышлении о различном отношении к идеи верховной власти в странах с разными политическими традициями, заключается в том, что и в современном мире институты, формирующие отношение к этой власти, должны вести себя в этих странах несколько различным образом, используя разные средства изображения этой власти. Разумеется, я говорю о самом могущественном инструменте формирования общественного мнения в современном мире – средствах массовой информации. Говоря об изображении власти средствами «четвертой власти», разумеется, нельзя не учитывать политической ангажированности средств массовой информации, их позиции *pro* и *kontra* властных структур. Однако автор придерживается того мнения, что при любых политиче-

ских установках срабатывают бессознательные механизмы «исторической памяти», обуславливающие ту или иную форму коммуникативного поведения в социуме. Проявление этих механизмов автор полагает возможным продемонстрировать на способах изображения президентов России и Литвы средствами массовой информации «своих» стран.

Итак, объект исследования – заканчивающие президентское правление 80-летний Валдас Адамкус и Владимир Путин в зеркале СМИ.

По литовской конституции президент ответствен, прежде всего, за международную политику – сфера его участия в вопросах внутренней жизни государства весьма ограничена; роль президента во внутренней жизни страны многими политиками видится в создании некоего морального образца, «морального авторитета». Российский президент по Конституции обеспечивает взаимодействие всех ветвей власти, в силу чего его полномочия законодательно шире полномочий литовского президента.

Адамкус внешне, несмотря на почтенный возраст, сухощав (выше среднего роста), строен, элегантен, с волной хорошо уложенных седых волос (его тщательно причесанная голова иногда становится объектом нападок тех, кто к нему нерасположен); Путин – спортивен, моложав, коренаст, коротко стрижен. Таково внешнее впечатление, формирующееся на основе телевизионных изображений. Итак, **телевизионная подача образа президентов:**

Путин появляется на телевизионных экранах практически каждый день в новостных передачах на разных российских каналах – страна видит президента обычно сидящим за столом в своем кабинете и выслушивающим отчет (доклад) своего собеседника, чиновника высокого ранга. Путин смотрит на собеседника – камера фиксирует крупным планом глаза, меняющие выражение в зависимости от характера воспринятой информации, и улыбку, бесспорно, обаятельную. Создается образ главы государства, осуществляющего контроль над многообразной деятельностью подчиненных и осведомленного в самых разных вопросах российской жизни (медицина, жилищные проблемы, энергетика, социальное обеспечение и т.д.

Валдас Адамкус появляется на экранах реже своего российского коллеги – при сообщениях о международных встречах или при посещении президента членами правительства и парламента. Находясь на международных встречах или в стенах парламента, президент периодически становится «добычей» журналистов, ставящих В. Адамкуса перед необходимостью отвечать на неожиданные и порой острые вопросы. Будни литовского президента обычно изображаются так: президент выходит из кабинета и энергичным рукопожатием приветствует гостей (зритель не может не отметить подтянутость, элегантность и энергию 80-летнего главы государства). Далее двери кабинета закрываются, и зритель остается в неведении относительно происходящего ТАМ. Ход беседы, имевшей место в президентском кабинете, как правило, освещают пресс-секретари президента или лица, побывавшие в кабинете в качестве гостей. Можно говорить, что таким образом президент несколько «отстраняется», отчуждается от сограждан.

Таким образом, если виртуально дистанция между В. Путиным и зрителем, допущенным в кабинет, сокращается (при реальном жестком разграничении пространств), то между В. Адамкусом и литовским зрителем, при отсутствии реального разграничения пространств, виртуально дистанция увеличивается. Адамкус пребывает один в своем пространстве и тогда, когда отвечает на вопросы журналистов – спрашивающие обычно остаются за кадром, президент смотрит на невидимых зрителю собеседников или в камеру, продолжая пребывать один в своем закрытом пространстве.

Значит ли сказанное, что российский президент в телевизионном изображении предстает более открытым и диалогичным, нежели литовский президент? Интересно, что М.Фрадков обычно изображается сидящим за столом и говорящим в пространство – его собеседники не показаны. Аудитория представлена обычно в другом кадре – создается некоторый эффект отчуждения говорящего от слушающих. Неясна их реакция – «внимания» (от *внимать*) или напротив, отстранения от сказанного. Возможно, российское телевидение добивается именно

эффекта открытости, однако, опираясь на собственные ощущения, могу сказать, что, несмотря на допуск в святая святых – кабинет президента, изображение В. Путина в беседе с чиновником высокого ранга оставляет у меня впечатление «клановости» происходящего. Пространство беседы, открытое взору, тем не менее обладает статусом экстерриториальности – зрителю отводится роль созерцателя, «соглядатая», в то время как говорящий в камеру Адамкус, глядя в глаза каждому, расширяет коммуникативное пространство, создавая впечатление непосредственного речевого общения.

Таким образом, каждая из технологий представления главы государства, в независимости от установок, своими средствами создает эффект открытости при одновременном (или побочном?) эффекте закрытости (сакральности) верховной власти. Интересно, что в последнее время способ телевизионного изображения президентов обеих стран несколько изменяется. Так, в последнее время двери кабинета литовского президента раскрываются перед зрителем, когда к В.Адамкусу приходит группа высших чинов в литовской иерархии власти: в этом случае гости и хозяин кабинета располагаются за круглым столом, со времен короля Артура символизирующим равенство общающихся. Создается эффект, близкий эффекту на российском телевидении: президент предстает в диалоге, однако возникает ощущение «клановости» происходящего, о котором я говорила выше. Владимир Путин чаще стал изображаться сидящим перед аудиторией на некотором возвышении за квадратным столом (один или в окружении ближайших сотрудников). При этом аудитория может показываться в другом кадре, и В.Путин обращается как будто бы не только к непосредственным собеседникам, не попавшим в кадр, но и ко всем тем, кто «за кадром».

Речевые акты глав государств в изображении прессы. Согласно оригинальнейшему мыслителю XX в. Ойгену Розенштоку-Хюсси, человек дан в тройственной природе слов: «моналоге, в котором человек думает вслух; диалоге, с которым он обращается к своим слушателям; плеологе... – речи, сказанной для того, чтобы будущее удержало это в своей памяти» [Розеншток-Хюсси 1994: 76].

Два первых способа речевого проявления Адамкуса и Путина косвенно были охарактеризованы выше. Видимо, можно говорить, что, президент Литвы общается виртуально с более широким кругом сограждан, так как смотрит с экрана в глаза каждому телезрителю, а не представителям одной из ветвей власти. Очевидно, и «думанье» вслух у президента Литвы явлено в большей степени, чем у президента России. Появляясь на экранах почти каждый день, В. Путин часто показан в ходе своих официальных выступлений, где он зачитывает составленный ранее текст – в таком случае непосредственное «думанье», сопряженное с сомнением и неуверенностью в выборе слов, не открыто зрителям. В. Адамкус чаще появляется перед зрителями в процессе незапланированных интервью, и мысль президента, его эмоции, вызванные неожиданным или неприятным вопросом, обнажены перед широкой аудиторией. Позволю сказать, что российский президент более защищен телевизионной камерой от проникновения в процесс порождения текста, нежели президент Литвы.

Обратимся к третьему моменту – **как президентское говорение отзывается в будущем?**

Согласно американскому специалисту по вопросам сознания Х. Уайту, чья книга «Метаистория» (1973) сравнительно недавно вошла в научный обиход читающих по-русски и привлекла внимание лингвистов (Фрумкина), История – не есть передача фактов, а только их языковая интерпретация, «лингвистическая форма» (Уайт). И здесь весьма важным является то, как пишущие о президентском говорении, обозначат его для потомков: через *воскликнул* или *рассердившись, потребовал*, через *приказал* или *попросил* [Фрумкина 2006: 3]. По Розенштоку-Хюсси, будущее связано со звучащими сегодня императивами: «будущее отдано на волю всевозможных повелений, владеющих нашей жизнью, начиная от простого «Будь умницей» и кончая самым главным «Делай как должно».

<...> Будущее зависит от того, существуют ли императивы в настоящем» [Розеншток-Хюсси 1994: 85, 132].

Если разговор с будущим определяется через лингвистически избранные формы, в частности, связанные и с изображением императивности, устремлен-

ной в завтра, посмотрим, какие речевые акты в изображении СМИ характерны для президентского дискурса. Приведу анонсы российских Интернет-изданий, сообщающих о речевых действиях российского президента.

Путин **приказал** компенсировать пенсионерам возросшие расходы на лекарства (Новости Саратовской губернии),

Путин **приказал** разобраться (NewsTech),

Путин **приказал** правительству следить за военными квартирами (Lenta..ru),

Путин **приказал** увеличить военные расходы (Газета.RU),

Путин **приказал** помочь рядовому Сычеву (Новый регион),

Путин **приказал** создать Большую Российскую Энциклопедию (Roskoncert),

Путин **приказал** продолжить вывод российских войск из Грузии (Шахты),

Путин **приказал** обуздить инфляцию (Клерк.ру),

Путин **приказал** разобраться на рынках с иностранцами (Lenta.ru).

Из приведенных анонсов следует: 1) всесторонний охват российской жизни главой государства. Обратим внимание на широту проблем, потребовавших участия президента – жилье, социальное обеспечение, собственно военные вопросы, судьба отдельного человека и т.д. Подобное отражение деятельности В. Путина коррелирует с отмеченным выше телевизионным освещением работы российского президента; 2) характер производимых директивных актов (**приказ**). Отмечу, что сам президент не употребляет перформативного глагола **приказываю**. К перформативу, конечно, может быть приравнена подпись под президентским указом – именно об указе президента, касающемся организации деятельности по изданию энциклопедии, шла речь в сообщении, имевшем достаточно спорный по уместности заголовок «Президент приказал...». Остается неясным, то ли издательское дело буксует без вмешательства президента, то ли любое президентское речевое действие директивного характера расценивается СМИ как приказ.

Нужно сказать, что сама информация о президентских речевых действиях, помещенная в тексте статей, редко содержит глагол **приказать** – чаще **поручить**, **призвать**, **дать указание**: напр., анонс

«Путин приказал правительству...» открывает сообщение, в котором речевой поступок характеризуется глаголом **призвать** («Путин призвал правительство не допустить роста цен на жилье»), а прямая речь президента вообще включает другой глагол: «Я опасаюсь, что это может привести к удорожанию жилья» (Lenta.ru). Почему же из разнообразия перформативов, вводящих побудительные речевые акты, избирается обладающий наибольшей иллоктивной силой глагол **приказать**? Разумеется, я не обладаю столь сильной эмпатией, чтобы объяснять речевые действия журналистов, но, переформулировав вопрос: что дает такая характеристика речевых актов президента, – я могу попытаться на него ответить. Действия литовского президента, как будет показано ниже, характеризуются чаще глаголом **требовать** – этот перформатив также вводит речевой акт достаточно высокой иллоктивной силы, однако различие между перформативами, вводящими директивные речевые акты, заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробнее и, возможно, через его посредство охарактеризовать специфику создания образа власти в СМИ.

Требую – побуждение выражено достаточно энергично (высокая иллоктивная сила), однако глагол не подчеркивает иерархии адресанта и адресата (требовать могут рабочие у работодателей).

Поручаю – адресант занимает более высокую позицию на общественной вертикали, вместе с тем неисполнение поручения не связано с представлением о непреложных карательных мерах, которые могут быть предприняты поручающим.

Приказываю – глагол, подчеркивающий и иерархическое положение говорящего, и ответственность адресата за неисполнение приказа: «Когда требуют исполнить приказ, то получивший приказ должен воспринять как данный ему, он... должен взять на себя ответственность за исполнение приказа. В наши дни, солдат, принимая и подтверждая приказ, произносит «Есть» [Розеншток-Хюсси 1994: 131]. Отмечу в приведенной цитате два момента: 1) наличие принимающего приказ, должного ответить «Есть»; 2) наличие фигуры солдата, то есть человека в форме, символизирующую

щего беспрекословное исполнение приказа.

В информационных сообщениях с анонсом «Путин приказал...», помещенных в Рунете, в ряде случаев присутствует фигура берущего под козырек:

Анонс: Путин приказал обуздять инфляцию.

Путин потребовал от правительства подготовить комплекс мер...

«Это своевременная инициатива» – выслушав пожелание президента, отрапортовал министр финансов Алексей Кудрин.

На мой взгляд, в избранной представителями СМИ лингвистической форме есть некоторые несообразности: принимающий приказ министр финансов, с одной стороны как будто оценивает действия Президента с точки зрения их своевременности, а с другой – «рапортует», то есть, не будучи военным, совершает речевой акт, характерный для речевых действий нижестоящего по отношению к вышестоящему в ситуации военной дисциплины, не допускающей обсуждения приказов. И вот тут мы подходим к принципиально важному моменту: многочисленные анонсы «Путин приказал...» создают ощущение армейской атмосферы, в которой неисполнение приказа карается твердой и сильной рукой. В. Путин действительно является главнокомандующим, а значит, его приказы выглядят совершенно уместными в ситуации военного взаимодействия: *Путин приказал продолжить вывод российских войск из Грузии*, – однако интонация армейского приказа вряд ли уместна в ситуации книгоиздательства (*Путин приказал издать ...энциклопедию*). Подобное обозначение речевого акта президента тем более неуместно, что в ситуации нет принимающего приказ, единственное обстоятельство, мотивирующее выбор такой лингвистической формы – это, как отмечалось выше, наличие препятствий на пути книжного дела, которые президент берется устраниить. Создается впечатление, что наиболее близкой современному общественному сознанию в России концепцией власти можно назвать теорию «сопротивления» (Д. Картрайт, Б. Рейвен, К. Леви), согласно которой власть возникает в результате преодоления одним субъектом сопротивления другого.

Именно такая смысловая импликация

осуществляется читателем, не посвященным в специфику стиля СМИ, повествующих о речевых действиях президента. Полагаю еще раз нужным отметить, что высказывания главы российского государства не побуждают к интерпретации в терминах приказа осуществляемых им речевых актов: так, в беседе с М. Зарабовым, анонсированной «Путин приказал компенсировать...», российский президент употребил перформатив *промыш* (*Вас...*).

Чем же обусловлено, или какую цель (пусть неосознанно) преследует подобное коммуникативное поведение СМИ? Хотелось бы отметить, что во всех анонсах с глаголом *приказать* глава государства обозначается именем собственным – *Путин* (Интерес представляет и именование президента просто по фамилии или по имени и фамилии, но чаще всего – без отчества, что, на мой взгляд, представляет некоторую «вестернизацию» образа власти – именование по западным аналогам. Такое именование российской политической элиты практически стало нормой – употребление отчества уходит из практики СМИ. Здесь, кроме «вестернизации», можно усмотреть различные (бессознательные) мотивы: забвение традиции почитания отцов, стремление к «омолаживанию» власти – как известно, по отчеству в русском речевом этикете не называют молодых людей.) – и весьма редко через номинацию должности в российской государственной иерархии (*Президент приказал*). Формула *президент приказал* встречается по отношению к чужим президентам – президенту Украины, президенту Узбекистана, президенту Ирана. Было бы неточным говорить, что российский президент в анонсах совсем *не приказывает*, но формула *президент приказал* скорее употребляется в ироническом контексте, склонном подчеркнуть пассивность других ветвей власти, не способных действовать без приказа. Видимо, чаще таким обозначением пользуются средства массовой информации, известные стебом как доминирующей стилевой интонацией или находящиеся в некоторой оппозиции к российской верховной власти: «Президент приказал размножаться» – о послании президента Федеральному собранию в отношении демографической ситуации (<http://www.utro.ru>), «Президент приказал копать» – «Московский комсомолец» о внезапном обновлении дорог после высказанного пожелания президента (<http://www.mk.ru>).

В целом же можно говорить, что

именно Владимиру Путину как личности приписывается способность отдавать приказы и через императивные высказывания приближать будущее: «Всякое приглашение в будущее... требует определенных интонаций. Кто не знает, что на то, чтобы обрести командирский голос, без срывов и усилий, без крика и смущения, голос, внушающий доверие, уходят годы» [Розеншток-Хюсси 1994: 135]. Борис Ельцин в изображении СМИ такого голоса не имел: «Пожурил банкиров на памятной встрече, Ельцин сказал несколько слов упрека в адрес молодых коллег» (ЛГ 1997, №39). В.Путин в изображении СМИ входит в будущее **человеком приказывающим**, способным на императивные интонации, видимо, отвечающие пожеланиям значительной части общества.

Литовский коллега В. Путина в свете осуществляемых речевых актов, данных в интерпретации литовских СМИ, выглядит иначе. Вообще, говоря об изображении литовскими средствами массовой информации нынешнего президента Литвы Валдаса Адамкуса, видимо, нельзя пройти мимо того факта, что в недалеком прошлом – в бытность президентами бывшего лидера литовских коммунистов А. Бразаускаса и подвергшегося процедуре импичмента Р. Паксаса – литовская пресса почитала хорошим тоном не столько сакрализовать власть, сколько понизить ее авторитет. Не буду останавливаться на политических причинах указанного положения вещей – сегодня, скорее, важно другое: традиций почитания власти практически не создано, они творятся сейчас. Приведу пример – макетировщик одной из газет, имеющих строго выдержанную национальную концепцию (“Voruta”), получил замечание за то, что фотография президента, принимающего гостей, по размеру оказалась недостаточно большой. В этой газете на первой странице очень крупным шрифтом сообщается о визите В. Адамкуса в Румынию – причем делается это в весьма торжественных интонациях, на мой взгляд, не соответствующих важности поездки: *Первый полет Президента Литвы Валдаса Адамкуса в Румынию (Pirmasis Lietuvos prezidento Valdo Adamkaus skrydis į Rumuniją)*. С моей точки зрения, эти факты достаточно красноречивы – они свидетельствуют о

концепции создания авторитета власти средствами ее неверbalного изображения. Интересно, что попытки «сакрализации» верховной власти, символизирующей государственность, осуществляются в одном ряду с продолжающимися выпадами в ее адрес в оппозиционных газетах, происходящими порой в бранной форме: так, Адамкус может именоваться «еще тем авторитетом», похожим на «впавшего в детство старика» (“Laisvas laikraštis”). При разнообразии отношения к власти, зафиксированного в российских средствах массовой информации, мне не пришлось наблюдать такой полярности избираемых средств, как это имеет место в литовских СМИ. Повторюсь, возможно, это связано с формирующимися формами изображения власти в стране, стремящейся воплотить свободу слова так, как это представляется тем, кто находится в начале пути освоения европейских демократических ценностей.

Однако вернемся к характеристике речевых действий В. Адамкуса в литовских СМИ. Президент Литвы никогда не *приказывает*, но довольно часто *требует, просит, выражает озабоченность* (приводимые ниже примеры даются в переводе автора).

Адамкус *требует не обижать науку и образование* (www.irt.lt),

Адамкус *потребовал от премьера пояснений о проделанной работе по приостановке нелегального строительства* (<http://www.president.lt>),

Адамкус *попросил пояснить решение суда* (search.delfi.lt),

Адамкус *указал руководителю полицейских служб на существующие недостатки и попросил предпринять необходимые реформы* (www.vpp.lt).

Если российский президент избегает в своих высказываниях директивных перформативов *требую и приказываю*, отдавая на волю прессы трактовать характер его речевых актов, то литовский президент сам употребляет перформатив *требую*: Адамкус заявил: «*Требую, чтобы было начато всестороннее расследование...*» (www.delfi.lt).

Как отмечалось выше, глагол *требую* не связан ни с представлением об иерархическом ранге говорящего, ни с имплицированием обязательного исполнения требования. Тем не менее, подобное обозначение речевого акта указывает на

желание говорящего придать высказываниям императивные интонации и внести лепту в изменение существующей ситуации, а значит – в определенное оформление будущего. Правда, сама же пресса иногда снижает иллокутивную силу акта требования, помещая этот глагол в неадекватный контекст: напр., *Адамкус не без повода рассердился и потребовал / Адамкус потребовал головы двух министров*. Явная разговорность (головы министров) или соединение с описанием человеческих страстей (рассердился), не совместимых с требуемой беспристрастностью президентских поступков, способствуют «десакрализации» власти, для которой оказывается не чуждым все человеческое.

Адамкус просит. Президент Литвы достаточно часто употребляет этот перформатив, а пресса выносит его в анонсы как обозначение речевого действия президента, создавая тем самым впечатление не просто равных голосов, общающихся в пространстве властных отношений, но и голоса президента, занимающего позицию просителя – то есть иерархически более низкую. Для сравнения: В. Путин в своих высказываниях употребляет глагол *просить* в первом лице, однако анонсов сообщений с этим глаголом как обозначением речевых действий российского президента в Рунете практически нет – обычно просят Путина: «Путина ежемесячно просят о помиловании», «Из Белого дома звонили и просили Путина...» и т.д.

Подведу итоги: Нынешний президент России предстает в зеркале СМИ не столько в процессе порождения текста, сколько в процессе «сказывания» заранее оформленшихся суждений по очень разнообразному кругу вопросов – так создается впечатление широкой осведомленности и твердости излагаемых позиций. Адамкус, отвечая на неожиданные вопросы в ходе незапланированных интервью, транслируемых телевидением, предстает в процессе порождения текста, сопряженного с сомнениями и выбо-ром словесных форм. Такая подача об-раза в меньшей степени работает на «сакрализацию» власти, нежели принятая в российской практике изображения В. Путина.

Путин в телевизионном изображении чаще других форм общения осуществ-

ляет диалог с определенной, четко очерченной аудиторией государственных чиновников. В этих случаях подчеркивается роль ведущего (президента) и ведомых (его подчиненных). В случае общения с государственными деятелями других стран Путин предстает дружески расположенным собеседником – однако «кастовый» характер беседы сохраняется. Аудитория В. Адамкуса неопределеннее в силу того, что его собеседники чаще всего не показываются камерой. Поэтому в данном случае «свита» не «играет короля» – эту роль он должен исполнить один.

Российский президент в гораздо большей степени, нежели литовский, обладает императивными интонациями в зеркале СМИ, что не может не играть на образ сильной и властной руки. В. Адамкус интонациями приказа не владеет, что, с одной стороны, может быть связано с особенностями литовского государственного устройства, а с другой – с личными свойствами нынешнего президента, дающими повод нерасположенным к нему согражданам упрекать Адамкуса в отсутствии деятельности.

В целом же думается, что коммуникативное поведение СМИ в обеих странах связывает сущность власти с волевыми качествами отдельного человека, при этом российский президент наделяется способностью к принуждению, а литовский – стремлением к поведенческому взаимодействию. Думается, такое изображение власти, с одной стороны, коррелирует с традициями отношения к ней в описываемых странах, а с другой – базируется на так и не сложившихся демократических традициях независимости власти от свойств отдельного человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988, № 9. –
Ермоленко Т.Ф. Патернализм в России: (Опыт культурно-исторического анализа). Отв. ред. А.Н. Ерыгин; Изд-во Рост. ун-та, 1999.
Ремизов М. Проект «Государство-цивилизация» // Конституция России. Новый строй. Москва: ИНС, 2005.
Розеншток-Хюсси. Речь и действительность. Москва, 1994.
Уайт Хейден. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитонова. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002
Фрумкина, Р. Лингвистика и критика соци-

Милевич Инга Г.

Даугавпилс, Латвия

ЭТИКЕТ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Abstract

The article focuses on the problem of a politician's etiquette in the contemporary publicistic discourse of Latvia. The author scrutinizes various verbal forms of etiquette and also the reasons for breaching etiquette in political discourse.

Различные исследования в области культурологии, этнолингвистики, психолингвистики показывают, что отношение к вербальным этикетным формам русскими неоднозначно – оно может быть как позитивное, так и негативное, и очень часто саркастическое. В этом смысле показателен пример, приведенный Евгением Евтушенко. Поэт сделал замечание служительнице аэропорта в СССР (1989г.) по поводу грубого обращения с иностранцем; ее ответом было: «А я что – на брюхе перед ним должна ползать?» Характерно, что даже такая часть этикета, как комплимент 'лестное для кого-л. замечание, любезный отзыв' [МАС 2: 86] характеризуется весьма неоднозначно. Так, Словарь эпитетов русского языка показывает следующие данные: лексема **комpliment** обладает всего лишь двумя эпитетами положительной коннотации (**лестный** и **приятный**) и 20 эпитетами негативной коннотации: **банальный**, **дешевый**, **елейный**, **избитый**, **колкий**, **ложный**, **лицемерный**, **льстивый**, **нелестный**, **неловкий**, **неуклюжий**, **попшлый**, **притворный**, **приторной**, **сладкий**, **слищавый**, **тривиальный**, **тяжеловесный**, **ханжеский**. [Словарь эпитетов 2000: 84]

Этикет принадлежит к наиболее регламентированным элементам межличностной коммуникации. Существует мнение о том, что если на рефлекторном уровне этикетные нормы носителями русского языка принимаются, то на бытийном уровне нередко наблюдается осознанный или неосознанный отказ, игнорирование или неприятие. Одно из объяснений такому положению исследователи видят в современном социальном строе и, в частности, отсутствии эталона. «Современное общество не может предложить народу какие-либо соблюдаемые

хотя бы небольшой устойчивой социальной или профессиональной группой личностей эталоны культурного поведения и общения – ни телевидение, ни государственные деятели и политики, ни учителя и преподаватели, ни государственные служащие, ни предприниматели, ни руководители образовательных и государственных учреждений». [Стернин www]

Свою роль в отсутствии эталонов играет и статус информативной референтной группы, в частности, **психолог** и **лингвист**. В современной картине мира референтные группы приобретают разные статусы – позитивный или негативный. Так, в современной публицистической картине мира более позитивным статусом обладает информативная референтная группа **психолог**, что, в частности, проявляется в том, что постоянными и популярными рубриками современной публицистики являются рубрики типа «Психология и мы», содержащие различные психологические тесты, советы психологов, в том числе и по применению этикета. **Лингвист** же как представитель информативной референтной группы имеет тенденцию к приобретению статуса негативной, поскольку он наиболее часто выступает в роли нормализатора, законодателя языковых норм, обязательных для исполнения, что также отражается в публицистических дискурсах – в соответствующих рубриках (правда, их много меньше, чем «психологических») и сообщениях, напр., в политическом дискурсе в связи с введением и разъяснением нового термина.

У нас по-простому, чувствуйте себя как дома – так приглашает гостей в свой дом радушный русский хозяин. По-простому... знаменитый русский моральный модализатор (квантор), указывающий на не-следование строгости этикетных норм гостеприимства и, возможно, даже приглашение к пренебрежению условностями бытового этикета. В деловом диалоге призывы отбросим условности, официальную часть можем считать законченной, не для протокола, вне официального общения... нередко обозначают смену регистров дискурса, переход от неинформативной этикетной части к информирующей неофициальной (неслучайно она именуется встречей без галстуков). За такими и подобными выражениями проявляются оппозиции ис-